

DOI 10.37523/SUI.2024.58.2.012
УДК 343.848 : 340.5

Тепляшин Павел Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Сибирский юридический институт МВД России,
660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний, не связанных
с изоляцией осужденных от общества,
Самарский юридический институт ФСИН России,
443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24в,
e-mail: pavlushat@mail.ru

Pavel V. Teplyashin
Doctor of Law, Professor,
Professor of Criminal Law and Criminology Department,
Siberian Law Institute of the MIA of Russia,
20, Rokossovskogo str., Krasnoyarsk, Russia, 660131.
Professor of the Criminal Executive Law and Organisation
of the Execution of Punishments, not related to the isolation
of convicts from society,
Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
24v, Rylskaya str., Samara, Russia, 443022,
e-mail: pavlushat@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРОБАЦИИ (ОЧЕРК ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

***Аннотация.** В статье обозначаются основания выделения подходов к реализации probation, которые включают как quintessence probationных отношений, так и ключевые практические схемы ее реализации с различной степенью подключения реституционных, восстановительных, медиативных, реинтеграционных и иных технологий. Обосновывается целесообразность обращения к соответствующему зарубежному опыту, который представляет объект пристального внимания со стороны научных работников, общественности и правоприменителя.*

Последовательно рассматривается ряд подходов к реализации probation. Приводятся соответствующие положительные аспекты и критические замечания. В рамках модели, согласно которой probation является неотъемлемой частью уголовного правосудия, обращается внимание на тесную связь между probationными мероприятиями и реабилитационными программами. При раскрытии подхода, в соответствии с которым probation отождествляется с восстановительным правосудием («концепцией зонтика»), подчеркивается факт институционализации службы probation, которая является основным субъектом реализации реституционного правосудия. Основательному анализу подвергается «гибкая» концепция probation, или иначе модель общинных наказаний, в границах которой обнаруживается высокая степень стратегического межведомственного взаимодействия, а также реабилитационный, репаративный и восстановительный диалог с общественностью и местной общиной. Приводится опыт функционирования Вроцлавской каскадной модели, которую характеризует последовательность и взаимодополняемость probationных процедур по реализации не только реинтеграционных и реституционных задач, но и медиативных и ювенальных.

Делается вывод о том, что полученные теоретические результаты способствуют решению непростых вопросов современных probationных отношений.

***Ключевые слова:** Закон об офицерах probation, компаративистский опыт, мера уголовно-правового характера, нарративные практики, профилактика правонарушений, система probation, социальная помощь.*

MODERN THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF PROBATION (STUDY OF FOREIGN EXPERIENCE)

***Summary.** The article outlines the grounds for distinguishing approaches to the implementation of probation, which include both the quintessence of probation relations and key practical schemes of its implementation with varying degrees of restorative, restorative, mediation, reintegration and other technologies. The article substantiates the expediency of referring to the relevant foreign experience, which is the object of close attention of researchers, the public and law enforcers.*

A number of approaches to the implementation of probation are examined in a sequential manner. Relevant positive aspects and criticisms are presented. The model that sees probation as an integral part of criminal justice draws attention to the close link between probation and rehabilitative programmes. The approach that identifies probation with restorative justice (the «umbrella concept») is exposed and the institutionalisation of the probation service, which is the main actor in the implementation of restorative justice, is highlighted. A «flexible» concept of probation or otherwise the community punishment model, within which a high degree of strategic inter-agency cooperation, as well as rehabilitative, reparative and restorative dialogue with the public and the local community are found, is thoroughly analysed. The experience of the Wrocław cascade model is presented, which is characterised by the consistency and complementarity of probation procedures for the implementation of not only reintegration and restorative tasks, but also mediation and juvenile procedures.

It is concluded that the obtained theoretical results contribute to the solution of difficult issues of modern probation relations.

Keywords: *Probation Officers Act, comparativist experience, criminal justice response, narrative practices, offence prevention, probation system, social assistance.*

В мировой практике реализации probation можно выделить несколько основных подходов или при определенной научной интерпретации моделей, отражающих ее ведущие содержательные особенности. В основе выделения таких подходов лежит как специфика соотношения probation и уголовного наказания, включая квинтэссенцию probationных отношений, так и ключевые практические схемы ее реализации с различной степенью подключения реституционных, восстановительных, медиативных, реинтеграционных и иных технологий. Анализ probation в преломлении различных теоретических моделей и практикоориентированных подходов позволит высвечивать в ее содержании новые научно значимые особенности, вскрывать резервы для ее методологического обоснования, демонстрировать ресурсы для оптимизации. Более того, анализ методологических основ probation обеспечивает приближение исследователей к фактически латентной области еще не обнаруженных, но фактически существующих общественных потребностей и уголовно-исполнительных резервов по преодолению последствий реализации уголовных наказаний и социально важных трансформаций личности осужденного лица.

Обращение к компаративистским аспектам института probation не является случайным научным исследованием, но вызвано насущными потребностями реализации положений Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон), принятие которого оживило идею юридической институционализации общественных отношений, существующих в области организации и функционирования probation в Российской Федерации. Институционализация указанных общественных отношений, с одной стороны, создала правовую основу реализации мер, применяемых в отношении осужденных лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, с другой – продемонстрировала наличие целого ряда проблем организационного, социального, правового и иного характера. Кроме того, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года закреплено, что «изучение и внедрение международного опыта пенитенциарных систем зарубежных стран в уголовно-исполнительную систему является одной из важнейших задач в процессе дальнейшего совершенствования деятельности Федеральной службы исполнения наказаний».

В этой связи соответствующий зарубежный опыт, основные подходы к пониманию сущности probation и ключевых форм ее реализации представляют объект пристального внимания со стороны научных работников, общественности и правоприменителя. Так, А. П. Скиба и Н. С. Малолеткина справедливо отмечают, что «с учетом положений международных документов и зарубежного опыта давно назрела необходимость введения в нашей стране данного правового института, направленного не только на повышение эффективности применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, но и на предупреждение совершения новых преступлений в целом, а также на исправление, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, ранее совершивших преступления» [1, с. 177]. В свою очередь Т. П. Бутенко без преувеличения констатирует, что принятие федерального закона «стало самой обсуждаемой новостью среди ученых, практиков и всех, интересующихся вопросами уголовно-исполнительного права» [2, с. 63].

Во-первых, следует обратить внимание на подход, согласно которому probation является неотъемлемой частью уголовного правосудия. Так, Роберт Кантон (Robert Canton) утверждал, что в течение достаточно длительного времени probation воспринималась продолжением реализации уголовного наказания и как инструмент, с помощью которого появлялась вера в способность людей измениться [3, р. 239]. Робин Энтони Дафф (Robin Antony Duff) отмечает, возросшая ответственность за исполнение наказаний в обществе стала еще больше соответствовать коммуникативным и инклюзивным целям уголовного наказания [4, р. 299–301]. Согласно данному подходу probation фактически выступает своеобразным приемником уголовного наказания, его логическим продолжением. В этом аспекте теряется сущностная суверенность и самодостаточность probation, поскольку ее содержание во многом зависит от характера того наказания, которое отбывает или уже отбыл осужденный. Общая идеология данного подхода сопряжена с восстановлением так

называемых депривационных социальных потерь лица, освобожденного из мест изоляции от общества, – жилья, работы, круга общения etc. с целью минимизации условий, способствующих повторному совершению преступления. В этой связи Фрэнсис Прайор (Francis Prior) пишет: «Механизмы предоставления услуг по возвращению заключенных в общество, которые могут включать когнитивно-поведенческую терапию (КПТ), обеспечение жильем, трудоустройство, лечение наркозависимости, обычно обосновываются с точки зрения их способности снизить вероятность возвращения в тюрьму или колонию, то есть рецидивизм, для людей, которые получают эти услуги» [5, р. 447]. В рамках рассматриваемого подхода особое внимание привлекает тесная связь между пробационными мероприятиями и реабилитационными программами, которые реализуются еще при отбывании уголовных наказаний в условиях изоляции от общества. Это могут быть самые разнообразные нарративные практики [6, р. 71, 78], медиативные методики и использование профессиональных фасилитаторов [7, р. 104–118] etc. Обозначенный подход в большей степени обнаруживается в практической деятельности таких государств, как Соединенные Штаты Америки (в основном в южных штатах), Канада.

В соответствии с другим подходом пробация отождествляется с восстановительным правосудием («концепцией зонтика»), которое, по мнению некоторых исследователей, выступает альтернативой наказанию [8], то есть результатом растущей общественной и политической озабоченности по поводу затрат на тюремное заключение. Согласно данному подходу в орбиту реституционных пробационных отношений вовлекается не только сам правонарушитель, но и жертва его посягательств(а). В рамках этого подхода институционализируется служба пробации, которая является основным субъектом реализации реституционного правосудия и продвижения восстановительной культуры. Однако следует иметь в виду, что нередко реализация соответствующих программ восстановительного правосудия под эгидой соответствующей государственной службы выталкивает данную модель пробации на периферию уголовного правосудия. Данный подход нашел свое наибольшее практическое воплощение в таких странах, как Англия и Уэльс, Ирландия, Латвия, Чехия.

Относительно обособленным подходом выступает «гибкая» концепция пробации, или иначе модель общинных наказаний. Как отмечают Гвен Робинсон (Gwen Robinson) и Фергус Мак-Нейл (Fergus McNeill), на основании данного подхода успех реализации общинных наказаний заключается в их способности адаптироваться к новым социально-экономическим реалиям и их способности маневрировать среди четырех уголовных нарративов: управленческого, карательного, реабилитационного и репаративного (реституционного) [9, р. 54–78]. Данный подход предполагает высокую степень стратегического межведомственного взаимодействия, в рамках которого государственные служащие, участвующие в реализации пробационных мероприятий и программ, принимают активное участие не столько в формальном исполнении соответствующих решений юрисдикционных органов, сколько в реабилитационном, репаративном и восстановительном диалоге с общественностью и местной общиной. Именно такое налаживание связей между системой правосудия и местным сообществом позволяет конструктивно решать задачи, входящие в круг пробационных мероприятий и программ.

В качестве разновидности «гибкой» концепции пробации выступает особый подход в польской практике ее реализации. Так, после Второй мировой войны в Польше была разработана двухуровневая модель пробации, которая, как отмечается в специальных исследованиях, и в настоящее время состоит из гармонично сочетающихся и взаимообуславливаемых структур – общественных и профессиональных субъектов пробационной деятельности (также далее – пробаторов) [10, р. 1–34]. Приблизительно до 1980-х гг. превалировала роль общественных пробаторов, которые не только оказывали социальную помощь освобождающимся из мест лишения свободы лицам, но и осуществляли за ними действенный надзор. Это привело к тому, что эта так называемая общинная система пробации изначально рассматривалась как непрофессиональная и находилась на периферии системы правосудия. Однако в последующем значимость, особенно с принятием в 2001 г. Закона об офицерах пробации (2001 Probation Officers Act), профессиональных пробационных сотрудников значительно возросла. Относительно обозначенного подхода остается неизменной идея о том, что, во-первых, характер работы пробаторов должен быть преимущественно педагогико-реабилитационным, диагностическим и профилактическим, а не контролирующим, во-вторых, соответствующие мероприятия не должны быть завязаны на обеспечении именно судебного правосудия, а должны быть направлены на формирование из института пробации независимой опоры всей системе правосудия, в-третьих, необходимо сохранять организационный паритет между государственными и общественными пробаторами [10, р. 35–42].

Также нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что польская система пробации в зависимости от пробационного адресата имеет внутреннее разделение, или иначе специализацию, на две подсистемы: 1) подсистему, ориентиром для которой выступают взрослые правонарушители; 2) подсистему, направленную на работу с семьями и молодежью (в основном несовершеннолетними). Характер активного функционирования данных подсистем указывает на высокую степень относительной автономности пробации в общей структуре польского правосудия, выполнение не только реинтеграционных и реституционных, но и медиативных и ювенальных задач.

В исследованиях польских ученых предлагается типология форм пробационного воздействия: 1) продвижение общественных мер и санкций; 2) оказание помощи судебным органам; 3) реабилитация правонарушителей и защита общества; 4) принуждение к должному отбыванию общественного наказания [11, р. 276–277]. Такая достаточно широкая картина форм пробационного воздействия, или иначе «каскадная система», отражает ситуацию, при которой Польша за прошедшее десятилетие занимает лидирующие позиции среди государств Совета Европы по коэффициенту лиц, проходящих пробацию (в частности, 646,1 на 100 тысяч населения по состоянию на 31 января 2019 г. [12] и 633,9 – на 31 января 2022 г. [13]). Кроме того, анализ показывает, что содержание представленной типологизации по основным позициям коррелирует с определением пробации, которое представлено в Приложении II Рекомендаций Совета Европы № Rec (2010)1 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах пробации» в следующем изложении: «исполнение общественных санкций и мер, установленных законодательством и назначенных правонарушителю. Она предусматривает целый ряд мероприятий и процедур, которые включают надзор, руководство и поддержку и направлены на участие правонарушителя в общественной жизни, а также на обеспечение общественной безопасности».

В 2016 г. был запущен Вроцлавский центр восстановительного правосудия (Wrocław Centre for Restorative Justice) [14], функционирование которого отражает «каскадную систему»: сначала пробационную работу начинают профессиональные сотрудники службы пробации, которые затем передают дела в партнерские учреждения общественным пробаторам. Таким образом, данную систему характеризует последовательность и взаимодополняемость пробационных процедур; в ее рамках восстановительное правосудие реализуется в тесной взаимосвязи с процессом практического применения идей общинного правосудия. В дальнейшем она выступила своеобразным реституционным эталоном и стала стержнем популяризации восстановительного правосудия не только в Вроцлаве (Wrocław), но и по всей Польше.

Вместе с тем, некоторые исследователи с осторожностью относятся к обозначенной модели восстановительного правосудия, указывая на сложное сочетание в ней различных социальных технологий и правоохранительных средств. Например, Анна Матчак (Anna Matczak) не без основания излагает следующий тезис: «Вроцлавская каскадная модель оказания общественных услуг иллюстрирует как потенциал, так и противоречия между неоднозначным пониманием наказания, пробации и восстановительного правосудия» [15, р. 84]. При общей резонансности такой критики все же стоит отметить высокую теоретическую ценность и практическую значимость Вроцлавской каскадной модели для оптимального развития отечественной системы пробации.

Таким образом, проведенный компаративистский анализ позволяет выделить три основных подхода (модели) к реализации пробации: 1) пенитенциарная модель, согласно которой, во-первых, пробация является неотъемлемой частью уголовного правосудия, во-вторых, характеризуется тесной корреляцией между пробационными мероприятиями и реабилитационными программами, применяемыми в условиях изоляции осужденного от общества; 2) восстановительная модель, в соответствии с которой пробация отождествляется с восстановительным правосудием («концепцией зонтика»), наблюдается институционализация службы пробации, являющейся основным субъектом реализации реституционного правосудия; 3) «гибкая» концепция пробации (модель общинных наказаний), в границах которой обнаруживается высокая степень стратегического межведомственного взаимодействия, а имеет место реабилитационный, репаративный и восстановительный диалог с общественностью и местной общиной. Отдельной разновидностью «гибкой» концепции пробации выступает Вроцлавская каскадная модель, характеризующаяся последовательностью и взаимодополняемостью пробационных процедур по реализации как реинтеграционных и реституционных, так и медиативных и ювенальных задач.

Представленный материал указывает на неоднозначность соответствующего компаративистского опыта, выступает предметом не столько описательных исследований, сколько пассионарных воззрений как со стороны представителей уголовно-исполнительной науки, так

и специалистов в смежных научных отраслях знаний. Полученные теоретические результаты способствуют решению непростых вопросов современных пробационных отношений, поскольку изучение концептуальных зарубежных идей в сфере probation не может рассматриваться лишь только как «данность» для отечественных исследователей, но является выражением свободной научной воли тех из них, кто понимает авангардность такого анализа, его ценность для развития отечественной уголовно-исполнительной доктрины и практики.

Библиографический список

1. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Законопроект «О probation в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1-4). № 2. С. 176–194.
2. Бутенко Т. П. Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, с учетом принятия Федерального закона «О probation в Российской Федерации»: опыт Амурской области // Цели наказания: уголовные, уголовно-исполнительные, криминологические и иные аспекты (отечественный и зарубежный опыт): сборник материалов Международной научно-практической конференции. Благовещенск: АмГУ, 2023. С. 63–68.
3. Canton R. Probation and the tragedy of punishment // The Howard Journal of Criminal Justice. 2007. V. 46. I. 3. P. 236–254.
4. Duff R. A. Penance, punishment and the limits of community // Punishment and Society. 2003. V. 5. I. 3. P. 295–312.
5. Prior F. B. Urban Neoliberal Debt Peonage: Prisoner Reentry, Work, and the New Jim Crow // Social Currents. V. 8. I. 5. P. 446–462.
6. Lynn V. Prison autobiographical narratives: Making sense of personal and social (racial) transformation // Crime Media Culture. 2021. V. 17. I. 1. P. 65–84.
7. Emily van der Meulen, Omstead J. The Limits of Rehabilitation and Recidivism Reduction: Rethinking the Evaluation of Arts Programming in Prisons // The Prison Journal. 2021. V. 101. P. 102–122.
8. Gavrielides T. Restorative pain: A new vision of punishment // Reconstructing Restorative Justice Philosophy. London: Routledge, 2016. 382 p.
9. Robinson G., McNeill F. Community Punishment: European Perspectives. London: Routledge, 2015. 272 p.
10. Probation in Europe / eds. A. M. van Kalmthout and I. Durnescu. Nijmegen: Wolf Legal Publishers, 2008. 1181 p.
11. Durnescu I. An exploration of the purposes and outcomes of probation in European jurisdictions // Probation Journal. 2008. V. 55. I. 3. P. 273–281.
12. Probation and Prisons in Europe, 2019: Key Findings of the SPACE reports. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2020/06/KeyFindings_Probation-and-Prisons-in-Europe_200617_final.pdf (Accessed: 27.03.2024).
13. Probation and Prisons in Europe, 2022: Key Findings of the SPACE reports. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf (Accessed: 27.03.2024).
14. European Forum for Restorative Justice. Poland. Frontis – Lower Silesia Associative of Probation Officers. Wrocław. URL: <https://www.euforumrj.org/en/poland> (Accessed: 31.03.2024).
15. Matczak A. The penal narratives of community sentence and the role of probation: The case of the Wrocław model of community service // European Journal of Probation. 2021. V. 13. I. 1. P. 72–88.

References

1. Skiba A. P., Maloletkina N. S. Zakonoprojekt «O probatsii v Rossiyskoy Federatsii»: nekotoryye aspekty obsuzhdeniya v 2021–2022 godakh [The bill «On probation in the Russian Federation»: some aspects of discussion in 2021–2022]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo* [Criminal executive law], 2022, vol. 17 (1-4), no. 2, pp. 176–194 [in Russian].
2. Бутенко Т. П. Sotsial'naya adaptatsiya lits, osvobozhdennykh iz ispravitel'nykh uchrezhdeniy, s uchetom prinyatiya Federal'nogo zakona «O probatsii v Rossiyskoy Federatsii»: opyt Amurskoy oblasti [Social adaptation of persons released from correctional institutions, taking into account the adoption of the Federal Law «On Probation in the Russian Federation»: the experience of the Amur Region].

Celi nakazaniya: ugovovnye, ugovovno-ispolnitel'nye, kriminologicheskie i inye aspekty (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt): sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Purposes of punishment: criminal, penal, criminological and other aspects (domestic and foreign experience)]. Blagoveshchensk, AmGU, 2023, pp. 63–68 [in Russian].

3. Canton R. Probation and the tragedy of punishment. *The Howard Journal of Criminal Justice*, 2007, vol. 46, no. 3, pp. 236–254 [in English].

4. Duff R. A. Penance, punishment and the limits of community. *Punishment and Society*, 2003, vol. 5, no. 3, pp. 295–312 [in English].

5. Prior F. B. Urban Neoliberal Debt Peonage: Prisoner Reentry, Work, and the New Jim Crow. *Social Currents*, vol. 8, no. 5, pp. 446–462 [in English].

6. Lynn V. Prison autobiographical narratives: Making sense of personal and social (racial) transformation. *Crime Media Culture*, 2021, vol. 17, no. 1, pp. 65–84 [in English].

7. Emily van der Meulen, Omstead J. The Limits of Rehabilitation and Recidivism Reduction: Rethinking the Evaluation of Arts Programming in Prisons. *The Prison Journal*, 2021, vol. 101, no. 1, pp. 102–122 [in English].

8. Gavrielides T. Restorative pain: A new vision of punishment. *Reconstructing Restorative Justice Philosophy*, eds. T. Gavrielides and V. Artinopoulou, London, Routledge, 2016, 382 p. [in English].

9. Robinson G., McNeill F. Community Punishment: European Perspectives, London, Routledge, 2015, 272 p. [in English].

10. Probation in Europe / eds. A. M. van Kalmthout and I. Durnescu, Nijmegen, Wolf Legal Publishers, 2008, 1181 p. [in English].

11. Durnescu I. An exploration of the purposes and outcomes of probation in European jurisdictions. *Probation Journal*, 2008, vol. 55, no. 3, pp. 273–281 [in English].

12. Probation and Prisons in Europe, 2019: Key Findings of the SPACE reports. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2020/06/KeyFindings_Probation-and-Prisons-in-Europe_200617_final.pdf (Accessed: 27.03.2024) [in English].

13. Probation and Prisons in Europe, 2022: Key Findings of the SPACE reports. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf (Accessed: 27.03.2024) [in English].

14. European Forum for Restorative Justice. Poland. Frontis – Lower Silesia Associative of Probation Officers, Wrocław. URL: <https://www.euforumrj.org/en/poland> (Accessed: 31.03.2024) [in English].

15. Matczak A. The penal narratives of community sentence and the role of probation: The case of the Wrocław model of community service. *European Journal of Probation*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 72–88 [in English].